

Анастасия Исакова

*"Это я пишу
для своих детей
на память..."*

Гоньба

Казённая
Заимка

Литвиновка

Озёрки

Роголичный

рки

Сиб

Лесная Поляна

Сибирский

Казачий

Повалиха

Боровиха

Зудилово

Белоярс

Анастасия Исакова

**«Это я пишу для своих
детей на память...»**

«Издательские решения»

Исакова А. И.

«Это я пишу для своих детей на память...» / А. И. Исакова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905797-6

Простые люди редко оставляли мемуары: даже тем из них, кто знал грамоту, было, как правило, недосуг писать воспоминания. Вот и Анастасия Ивановна Исакова, крестьянка алтайского села Повалиха, взялась за перо уже на склоне лет. В своих записках она рассказала о жизни в селе в последние годы Российской империи, о событиях Революции и Гражданской войны, о первых десятилетиях советской власти.

ISBN 978-5-44-905797-6

© Исакова А. И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие переписчика	6
«Это я пишу для своих детей на память...»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

«Это я пишу для своих детей на память...»

Анастасия Ивановна Исакова

© Анастасия Ивановна Исакова, 2018

ISBN 978-5-4490-5797-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие переписчика

Всё моё детство и отрочество, за исключением совсем младенческих лет и нескольких месяцев в семилетнем возрасте, вплоть до окончания средней школы, прошло в дедовом доме в с. Повалиха. Это был удивительный дом, в котором бабушка занимала одно из главных мест. Конечно, главой дома был дед, он мог одним взглядом утихомирить не в меру расшумевшуюся ораву мелкоты, которой в доме всегда было предостаточно, но это случалось очень редко. Обычно управляла всей этой оравой бабушка, раздавая направо и налево подзатыльники, утирая носы, рассаживая за стол. Всё это она делала так легко и весело, что на неё никто никогда не обижался. Но самое замечательное время наступало, когда на село опускались вечерние сумерки, лампы в целях экономии керосина ещё не зажигали, дед управлялся со скотом на дворе, а мы собирались в ожидании ужина вокруг бабушки, и начинались рассказы! Бабушка никогда не рассказывала волшебных сказок, не знаю, почему. Все просьбы с нашей стороны об этом бабушка отметала одним способом: «Рассказать тебе сказку про белого бычка?» Придвигаясь к ней теснее, с горящими глазами, в ожидании чего-то необыкновенного: «Расскажи!» «Ты «расскажи», я «расскажи», рассказать тебе сказку про белого бычка?» «Ну, мама, расскажи!» «Ты, «ну расскажи», я «ну расскажи», и т.д., чуть не до слёз. Но бабушка много читала, прочитанное запоминала накрепко и рассказывала о прочитанном необыкновенно хорошо. Рассказывала своим языком, простым, но очень образным. И каждый свой рассказ заключала одним и тем же: «Ну это я вкратце, а если ещё чё хошь узнать, сам прочитай». Но особенно желанными, по крайней мере для меня, были рассказы бабушки о «прежней жизни». Многие подробности быта, работы, бед и радостей сельской жизни, переданные нам бабушкой, я находил позднее в книгах Шолохова, Константина Седых, Шишкова, других больших и славных писателей.

Позднее, когда я учился в школе и в институте, стал замечать, что не всё узнанное мной из книг и лекций учителей согласуется с рассказами бабушки. Стал приставать к ней с вопросами, а потом и с просьбой записать свои воспоминания. К сожалению, взялась за это дело бабушка очень поздно. Я уже тогда жил в Москве; в одном из писем бабушка написала, что записки свои закончила и передала моей маме с наказом переслать их мне. К сожалению, мама этот наказ не выполнила, на все мои просьбы прислать записки бабушки отвечала отказом, не знаю почему.

Теперь бабушка умерла, умерла совсем чуть-чуть не «сровняв сотню», умерла и моя мама, и обе её сестры, умерли все, и некого спросить о непонятном.

Только из записок бабушки я узнал, что мой дед был участником III Всероссийского съезда Рабочих и Солдатских депутатов, организатором первого на селе коллективного хозяйства крестьян. Как жаль! Рядом с нами была живая история, а мы по незнанию прошли мимо. Почему он ни разу не был в школе, например, со своими рассказами о съезде? Ведь он видел Ленина, его товарищей... Обидно! Только теперь мне стало понятно, откуда у моего деда был такой авторитет среди повалихинских мужиков. Я никогда не слышал, чтобы к нему обращались иначе, чем Василий Александрович. Для деревни это дорогого стоит!

Далее воспроизведены записки бабушки в том виде, в каком они мне достались. Я только взял на себя смелость расставить знаки препинания по своему усмотрению, поскольку бабушка писала в манере древних летописцев, сплошным текстом, без всяких запятых и точек. Надеюсь, что это не очень испортило само повествование. Во всём остальном, включая орфографию, я старался следовать оригиналу, расположив разрозненные воспоминания бабушки в хронологическом порядке. Только в скобках курсивом даны пояснения слов, которые теперь не в ходу, да в квадратных скобках вписаны слова, которые бабушка имела в виду, по моему, сказать, да не вписала.

Владимир Николаевич Титов

«Это я пишу для своих детей на память...»

Просили ребята написать хотя немного про Повалиху. А сама сёдни едва стала, (*встала с постели*) всю грудь скололо, но вспомнила я как вышла замуж.

У нас была бабушка, ей было сто лет, и лежала все на печи. Эта бабушка была родная моему мужу, воспитывала моего мужа и его брата, который лежит в братской могиле, сирот своего сына обеща (объезчика леса, лесника). Она нам всегда рассказывала, что Повалиха выросла.

Сперва какие ссыльные бежали и поселились сперва на Красном Яру, там жили. И после Красный Яр обваливался на берегу Повалихи реки, и многие видели гроба. Берег обвалится, и гроб видать. И многие потом ходили по ягоды, даже находили какой-нибудь предмет, – то пуговку, то кто-то крестики. Сейчас можно видеть, где обвалится, каждый может указать, где это было. Мы часто туда ходили по ягоды, пугали один другого покойниками.

Вот пошла родословная Повалихи, что от ссыльных произошла Повалиха. Она делилась на улицы. Вот где была церква, там была улица Елань, а суда выше – Школьная горка, а еще выше – Бараба, а за реку, за мост – Улус, а на леву руку – Кулики.

Вот так и возникла Повалиха. Большая часть были бедняки, и были зажиточны, и кулаки; большая часть все беднота.

Вся Повалиха, у кого были три лошаденки, возили крупчатку (*мука грубого помола*) из Повалихи на пристань. Пристань была за Кислухой, затон. А то трактом в Барнаул. Вставали в час ночи и ехали. Некоторые со дня грузились, некоторые ночью; но только дома оставались богатеи, которые не нуждались в заработке, работали в хозяйстве, сеяли [хлеб] и держали скот. Те дома жили, а беднота зиму и лето возили крупчатку. И беднота и сейчас некоторые знают, как работали у Федулова. И были выбойщики, и грущики, и чернорабочие, пока не пришла революция, не освободила народ. Вот тогда и начали мужики думать, как жить.

Я и мои подруги всё время тоже работали на заводе. Мы всегда работали на чежолой работе, запруживали мельницу всю весну, хватало работы и девчатам, и ребятам, И по двору – на чистке сада, дворов, куда пошлют. Самого хозяина редко видали, а с нами всё были два прикащика, два брата Загарские и два брата Аксёновы – Петр Иванович и Василий Иванович был кассир, всегда деньги выдавал, а потом он вошел в колхоз, до самой смерти бухгалтером работал в колхозе «Власть Советов», был справедливой человек.

Завод этот я не помню, как строился, но от отца слыхала, что приехала какая-то вдова Щеголиха, у ней был сын больной, тут помер. А эти были её племянники. Старший брат Иннокентий Иванович, второй брат Петро Иванович, третий брат Иван Иванович. Семья Ивана Ивановича жила там, у него была жена – Фелицата Павловна и сын Ваня, и две дочери – Катя и Галя. Он управлял заводом, жил всегда на заводе, а те братья иногда на лето наезжали, у них была дача, где наши сейчас туберкулезники лечатся, вот это ихня дача – красивая. Дом, сад вокруг его был хороший. Сейчас весь и дом, и сад нарушены. Всё было наше, но не смогли сбегать. Он и красивой был санаторий, по речке много было разных перемычек, всякие беседки. И когда была революция, всё нам отошло, всё отдали Повалихе, дом под больницу. Всяки ягоды росли, все выписаны. Мы часто там чистили, а как перешло всё к нам – запустили, не сумели сохранить.

Сама хозяйка была взята из завода Платонова, у него тоже мукомольной завод был в Зудиловой, а она была духовного звания, дочь дьякона – красива!.. У ней потом и сестры переехали, 5 сестёр и все вышли за миллионеров. Одна – Марья Павловна – у нас была в школе учительницей, наш батюшка поставил, настоял.

Вот те два брата наезжали семьями, а так где-то жили далеко. А пришла Советская власть, всё отдали народу, вот только не уберегли. Те братья сбежали, а Иван Иванович умер в Пова-

лихе. Везли его на простых санях хоронить, запряженными лошадыю. Я была молоденька, тоже бегала [смотреть], интересно: был такой барин, а тут в простой [простых санях] лежит в гробу – любопытно, на нашем кладбище закопали миллионщика. Тогда и народ взял в свои руки управление.

Эта самая Щеголиха уговорила наших мужиков, чтобы построить церковь. Мужики тянули ближе к деревне, а она поставила два ведра водки, и пропили мужики место за два ведра ближе к заводу. Вот так и выстроила эта Щеголиха церкву. Вот прислали нам попа, красивого, с большой шевелюрой – загляденье! Вот все там и венчались и крестились. И я там венчалась и крестилась. Вот так и жили, пока всё не перешло народу.

Пишу на память своим дочерям о своей горемычной жизни.

Я, Исакова А. И., год рождения 1892, жительница Томской губернии, Барнаульского уезда, Белоярской волости, села Повалихи. Родилась от бедняков. Отец с матерью приехали из Пермской губернии Черданского уезда Анисимовской волости деревни Вотсково, приехавших в Сибирь на коне в повозке, и до самой смерти жили в Повалихе. Мать рано умерла, я осталась сестрой годок, мать только помню по рассказам её, что она была сиротой, жила по богатым людям в няньках. Так и мне досталась её доля. Семья у нас была – отец, мать и брат. Потом брат женился, взял себе жену из Озёрок. Он парнем всё работал ямщиком, возил волну (*волну – шерсть овечью*) у кулаков Паутовых, а женился, ушёл от них, стал дома жить.

У нас тогда уже три лошади было, и он на них ходил в извоз то до Новониколаевска, то до Бийска. Были артели, возили клади товаров. Едут обозы, останавливаются на постоянных дворах; и вот брат мой. Ночевали на постоянных, кормили их хорошо. И вот поехали. Он всю дорогу хотел пить. Ехали через речку, и он побежал и из пролуби напился, и пока приехал домой – весь в жару, и поболел дня три, и помер, оставил жену молодую и две маленькие дочки, и я – сестра, и отец-старик.

И стали мы жить одни, и пришлось отцу нас кормить. Сноха стала ходить по работам кулакам. Возле нас жили кулак Ехремов. Вот сноха ходила и к ним стирать, мыть и меня начала с собой брать, приучать.

И могло так случиться. С нами рядом жил сосед Басманов И. Ф.. И умри у него жена, и остались у него, как у нас, три девочки маленькие. Он и давай сватать нашу сноху. И она пошла за него. И свели детей – у него три, да наших две – пять человек! Да обча родилась, да опять девочка. И стало у них 6 человек детей.

Он оказался кузнецом, была недалеко кузница, ковал людям коней. А оказался горькай пьяницей. Вотхватила наша сноха горя, как ходила по чужим работам и до самой смерти, и так ходила.

И остались мы с тятей двое. Вот я пошла, помню, первой раз я пошла в няньки. Недалеко от нас был магазин Голинк, водиться, у них ребят было пятеро. Торговали. Особенно, помню, серой (*сибирская жвачка из пихтовой или кедровой смолы*), ходко шла. Ребятишки тащили яички на серу, ящики стояли. Сама хозяйка, звали Дарья Яковлевна, сварит исть, даст мне одно яичко. Я не успею оглянуться, и его уж нет. А узлами таскала пеленки из-под ребёнка полоскать. И узнала, как жить в няньках, сама ещё ребёнок. И убежала домой, и стали жить с тятей. Он поедет в бор, нарубит березника, нарежет дров, и в город. Вот так и кормились. И я около снохи, она иной раз учила меня чё как делать. Вот так я и стала думать, как жить.

Я училась, у нас учительница была старая дева, вот она у меня первая и последняя – Марья Ивановна Зырина учила нас, помню её имя и фамилию. Была строгая. Как начинался великой пост, всем велела несть кому 5 к., кому 4 к., а у кого не было, какого-нибудь богатынького просила за некоторых. У нас была Паутова Женя. Оне жили с дедушкой, он на бедных давал. Раз, помню, она на бедных принесла 50 копеек. Марья Ивановна положила в шкаф. Учился Миколай Иванович, мальчишко бойкой. И он украл эту полтину, и она его наказала. У ей была тут же в школе квартира, и была тёпла уборна. И вот заставила сторожиху на пол

натаскать галек, и поставила на [них] Колю на колени, и била его линейкой, пока не разрешила...

Пока это время шло, я кончила сельскую школу, получила аттестат. Я любила очень книги, много читала. Зимой было читать охота. Тятя ругался: «Карасин в вечер на копейку сожгёт!» Он спал на полатах, а я в горнице, [там] стол стоял; его завешу со всех сторон, залезу под стол [с книжкой]. Слышу, тятя слазит [с полатей], я уверну [фитиль], лампешка трех линейна. *(Яркость света, испускаемого лампой, определяется шириной фитиля. Трёхлинейная керосиновая лампа имеет ширину фитиля три линии – 7,62 мм.)* Откроет дверь, поглядит: «Спит». Он опять лезет на полати. А я пока не дочитаю, не брошу.

Я многому из книг научилась. Рядом с нами соседи, бедняки, но она, мать ихня была, жили бедно, но она жила в горничных на мельнице у Федуловых и замашки имела господские, но карман пустой. И вот я с ними играла. У них очень много было книг; вот от них я брала книги. Мы с ними, оне мои одноклассники, играли и дрались вместе. Отец у них горька пьяница был.

Вот так я и жила. Вот исполнилось мне 15 лет. Я поняла – надо работать. Как весна – у Федулова водой промывает плотину. Вот идем на работу, гатить. 25 копеек в день. Нас таких же голытьбы наберётся человек десяток ребят таких же. Столько же у справных хозяев. Хотя им и охота, но их матери не пускали. Дома хватало им работ: «Не робили вы ещё вместе с ребятами». А нам все хорошо, только они над нами смеялись.

Работа была такая: таскали камни на носилках. Они видят, у кого силенки не хватат, они ещё нарочно больше камень навалят. Я вот со своей напарницей ташу – искры из глаз сыплутся, а им был смех.

И так мы работали всю весну у них. С нами были два прикащика, два брата Загарских, оне были жители из Кислухи, и два брата Аксёновы – кассир Петро Иванович и помощник Василий Иванович. А сам хозяин был Иван Иванович, он нас редко навещал у него на руках целой завод.

Кончилась работа. Нас – нашу десятку – на заимку, там у них сено ставить, хлеб сеять. На заимке нас кормили хорошо, всегда мясом, хлеб белой. Нами управлял И.И.Аксёнов...

Вот кончилась на заимке работа, наша артель по домам разъехалась.

Опять весна, надо куда-то нам подаваться. Собираемся опять на заработки. Наденешь котомки за плечи, [в котомке] хлеба на неделю, а больше нечё, ну, может, сахарку полкилограмма купим, вот весь провиант. Идём до Мыльниковой пешком, там садимся на паром и до самого Гледену паром доходил. Слазили; у самой дороги завод кожевенной Сухова, то к ним, они уже ждут на дороге. Но мыльниковски девки нас опередили. Мы тогда идём дорогой; завод кожевенной Лолетина. И тут мы останавливаемся. Девки мыть шерсть, то же рабочих полно, молодых и старых. Работа – шерсть мыть, не так чежола, корзина бельевая, только крутые бока. Привязывается верёвка, надеваш на ногу, костыль в руки. В затоне наделаны плоты с дырами. Верёвку на ногу, корзину спихнёшь в воду, в корзину накладёшь шерсть, спихнёшь в воду и болташь, пока вода не побелеет. Тогда вываливаш [мытую шерсть], снова кислую шерсть [в корзину].

Я шерсть мыла, и шерсть сушила, и клей варила, и клей резала и сушила. Резали пластами из корыт. Варят в большом котле; как готово – разливают в корыта. Он как холодец застывает, вот тогда его и режут на пласты, а потом сушить.

А то всех до одного топтать огороды сопки Елбана. Земля-то сырая, вот босиком её и топчем взад-вперёд с песнями. Один какой командует нами – бегом вниз. Отопчим как гладки стенки, тогда валят шерсть намыту. Потом собирают в тюки. Так набегашься – едва до барака дойдёшь. Да надо ещё чё-то поесть. Сухой хлеб макнёшь в воду... А утром чуть побудка – опять всё снова.

И вот неделя прошла, надо идти домой за хлебом, его там нигде не продавали. А мы были молоды, прям по дорожке да в гору, были тропочки. Заберёмся на Гледен, и всей оравой на базар. Когда и пять рублей, а когда три рубля в неделю, по магазинам, глядишь и на платья купим и парны нашъём. Вот так и жили. На вечерку прийдём, у нас у всех в одинаковых *(в похожих платьях)*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.